



Юлия Парпулова / Фото: Команда 29

20.09.2018, 14:11 Краснодарский край

ИНТЕРВЬЮ

Грузинский шпион и карьера следователя: интервью дочери осужденного за госизмену

Диспетчер сочинского аэропорта Петр Парпулов в 2010 году ездил с женой в Грузию к родственникам. Там к нему пытался втереться в доверие некий подозрительный человек. Спустя четыре года ФСБ решила, что Парпулов выдал гостайну грузинской спецслужбе. Он получил 12 лет колонии строгого режима.

За последние двадцать лет в России больше сотни человек осудили за госизмену и шпионаж, особо тяжкие преступления против государства. О многих делах почти ничего не известно, а те, подробности которых все-таки вышли наружу, вызывают сомнения. ОВД-Инфо публикует интервью с дочерью Парпулова Юлией, подготовленное

Александром Литым в рамках **проекта** Команды 29 «Полная история госизмены, шпионажа и государственной тайны в современной России».

«Я ПОДПИСАЛ СЕБЕ ПРИГОВОР»

Всё-таки в чем заключалась «измена» вашего отца?

— Ему приписывают, что он контактировал с грузинской спецслужбой и передавал им сведения. Все наше дело основано на первом допросе, проведенном после обыска, с бесплатным адвокатом. Отец говорит, что искренне верил бесплатному адвокату: считал, что тот будет его защищать. Мой отец не видит без очков, а на допросе очков у него не было. Его рассказ об инциденте в Грузии следователь записал искаженно, а адвокат сказал, что все записано верно, нужно подписывать.

Папа говорит: я подписал себе приговор. После этого следователь Роман Троян (следователь Троян также вел дела «сочинских госизменниц», осужденных за смс знакомым в Грузию накануне российско-грузинского конфликта 2008 года — *ОВД-Инфо*) сделал его обвиняемым. Отправил его в Краснодар, позвонил нам и сказал, что отец обвиняется по 275-й статье. Отец говорит, что был в шоке, следователь сам вызвал ему скорую помощь. У отца поднялось давление, начался гипертонический криз.

Как вам кажется, следователь понимал, что сажает невинного человека?

— Мне кажется, ему абсолютно плевать. Он пытался моего отца заставить подписать признание. Папа рассказывал: Троян приходит в очередной раз, говорит — подпиши признание, мы тебе всего восемь лет дадим. Папа: а что я должен написать? Троян: ты не волнуйся, мы тебе напишем, а ты подпиши. Папа: извините, а вы мне дадите

прочитать? Троян: нет, это секретно. То есть они прекрасно знают, что мой отец не виноват.

Мой отец два года находился в СИЗО № 5 Краснодарского края. СИЗО ФСБ, там у Трояна кабинет прямо за стеночкой. Все письма задерживались: их доставляли отцу с разницей в месяца два-три. Свидания были запрещены, единственная связь была через адвоката. Это был метод шантажа: отцу говорили, что если он подпишет признание, получит свидания и возможность звонить. После нашего дела, насколько я знаю, Трояна повесили (Роман Троян стал начальником Следственного управления ФСБ по Краснодарскому краю — *ОВД-Инфо*).

«ОНИ НЕ УЧЛИ, ЧТО МОЙ ОТЕЦ НЕ ИМЕЛ ДОСТУПА К ДАННЫМ, В ПЕРЕДАЧЕ КОТОРЫХ ЕГО ОБВИНЯЮТ»

Что за человек общался с вашим отцом в Грузии? Как об этом узнали российские спецслужбы?

— Когда в 2010 году родители поехали в Грузию к родственникам и пересекали границу, по словам мамы, они написали в анкете пограничникам о себе все, вплоть до должностей. Затем домой к родственникам в Грузии пришел сотрудник миграционной службы и сказал, что эту форму они неправильно заполнили. Он расспрашивал папу о Сочи: тогда шли олимпийские стройки, он интересовался изменениями, происходящими в городе, говорил, что давно не был у нас. Папа говорит, что ничего, связанного с работой, они не обсуждали.

Потом следствие решило, что этот человек якобы являлся шпионом, сотрудником грузинской спецслужбы. Говорят, у них есть какие-то доказательства того, что он шпион, но в нашем деле по непонятным причинам их нет. Из-за

встречи отца с этим человеком к нам пришли с обыском: следствие решило, что мой отец якобы завербован, что он предоставлял грузинам данные. Только они не учли, что отец не имел доступа к данным, в передаче которых его обвиняют.

Показался ли сотрудник миграционной службы или тот, кто им притворялся, вашему отцу подозрительным?

— Папа говорит, он ему сразу не понравился. Он пытался перевести разговор на подозрительные темы, но отец отвечал, что ему ничего неизвестно. «Миграционщик» интересовался полетами из России в Абхазию, в аэропорт Гудауты. В Абхазию летают военные, а мой отец занимался гражданскими самолетами. Он не мог знать ничего, кроме общеизвестного факта, что в Гудауту летают военные. Никакой дружбы никто с ним не вел. Папа говорит, что был с ним холоден.

«КАК Я ПОНИМАЮ ЛОГИКУ ФСБ, ОНИ МОЕГО ОТЦА ВОВРЕМЯ ОСТАНОВИЛИ»

Был ли у вашего отца допуск к секретной информации?

— Да, у отца есть допуск, у него на работе есть засекреченные сведения. Но когда ты знакомишься с секретными сведениями, расписываешься в журнале. Папа говорит, что нигде нет подписи, что он со сведениями, в передаче которых его обвиняют, ознакомился, он не видел никаких чертежей и схем военных полетов.

Никаких доказательств, что мой отец ознакомился с этими сведениями, нет, но они говорят, что достаточно и того, что отец мог воспользоваться своим допуском. Как я понимаю логику ФСБ, они моего отца вовремя остановили. Хотя,

извините, четыре года прошло. Если бы он хотел — давно воспользовался бы.

Почему адвокат не пытался это оспорить?

— Не знаю. У нас в деле все было засекречено, я об этом узнала, когда он оказался уже в колонии. Нам адвокат говорил, что у него есть все документы о невиновности отца, что вся история — нелепая. Но, судя по приговору, никаких документов суду адвокат не предоставил. Он предоставил только вырезки из газеты «Красная звезда», где говорилось, что вертолеты МИ-8 летали в Гудауту. Приговор не является секретным, но адвокат долго от нас это скрывал. Адвокат нам о деле ничего не рассказывал, ссылаясь на гриф секретности. Деньги он брал немалые.

Папа говорит, адвокат (в суде первой инстанции — *ОВД-Инфо*) не бился, чтобы доказать, что мой папа не смотрел секретные документы. Пытались доказать это в Верховном суде, но в Верховном сказали: а почему вы не доказывали это в предыдущей инстанции? Почему только в Верховном суде начинаете это объяснять? Верховный суд решил в этом деле не копать, оставить всё без изменений.

Больше всего меня поразило на суде, когда я попросила папиных подчиненных прийти и дать показания, они отказались, ответив, что им запретили делать это под страхом увольнения. Я договорилась, чтобы показания в суде дал один бывший сотрудник аэропорта. Раз действующим сотрудникам запретили, пришлось звать того, кто уже не работал. Он говорил все, как было, но суд посчитал его заинтересованным лицом.

Знакомые вообще держатся стороной. Люди больше боятся не статьи, а того, что дело ведет ФСБ. Кого-то запугивает начальство, кто-то работает на госслужбе и боится за свою карьеру. Поскольку моего отца очень

любят, могут спросить о его состоянии, сказать, что переживают. Иногда звонят, спрашивают, есть ли шансы.

По делу допрашивали вас, других родственников?

— Мать допросили в первый же день после обыска. Показания она подписала, не читая. Следователь повлиял на нее, сказал: подписывай. Одному Богу известно, что она подписала. Она человек доверчивый, другого поколения. Тем более, любитель сериалов: по телевизору следователь всегда разыскивает правду, на твоей стороне.

Меня следователь вызвал уже в Краснодар. Как такового, допроса не получилось. На пятом вопросе он закрыл его: я сказала, что буду пользоваться 51-й статьей. Адвокат мне так посоветовал. Второй раз меня вызывали на суд. На суде мне много вопросов не задали.

«ЕГО ПРОСТО ДЕРЖАЛИ И ПЫТАЛИСЬ УБЕДИТЬ ПРИЗНАТЬ ВИНУ»

Какие условия были в СИЗО?

— Очень маленькие камеры, летом в Краснодаре очень жарко, стены накаляются, а наверху — только одна маленькая форточка с сеткой. Представьте, как находиться в такой камере, где дышать нечем, человеку, у которого давление за 200? В камере человека три. Разрешается выйти на час, на территорию метров в десять, огороженную бетонными стенами. Нам удалось передать ему только вентилятор.

Мой отец такой человек, что не жалуется. Говорит, выдержит любые условия. Моего отца не били: мы просили адвоката каждый месяц ездить в СИЗО и это контролировать. Мне дали свидание уже перед судом, суд

разрешил уже, а не следователь. Папа за это время похудел на 20 килограмм.

На этом свидании я спросила папу, бьют ли его, тогда мне сделали замечание и свидание прекратили. Перед вторым свиданием мне сказали, что такие вопросы задавать нельзя: можно разговаривать только о погоде, о родственниках. Узнать, что там происходит, я не могла. Следственных действий с отцом было мало, его просто держали и пытались убедить признать вину.

Где ваш отец сидит?

— Сейчас в Тамбове, в ИК-1, она расположена в центре города. Он доволен, что туда попал. Колония — образцово-показательная. Он в инвалидно-пенсионном отряде, у них свой режим, часто бывают на больничке. Мой отец пенсионер, но напросился работать. Его отправили чистить лук в сыром подвальном помещении. У него начались проблемы с легкими. Его отправили в больничку и написали, что к работе он не годен. Сказали: читай книги, ходи в клуб, гуляй. Мой папа такой человек, что у него конфликтов не бывает.

«МЫ СТАЛИ ПОНИМАТЬ, ЧТО НАС — ДЕСЯТКИ»

На какой стадии сейчас ваше дело?

— В ЕСПЧ наш адвокат не подал, мы пропустили все сроки. У нас остается только подача надзорной жалобы, этим сейчас занимается Иван Павлов (адвокаты Иван Павлов и Евгений Смирнов вступили в дело Парпулова уже после рассмотрения в Верховном суде — *ОВД-Инфо*). Мы долго думали, что мы такие одни, пока с нами не связалась Алла (Терехова, жена осужденного по обвинению в госизмене Геннадия Кравцова — *ОВД-Инфо*) и не рассказала, что у нее с Геней похожая история.

Тогда появились публикации о Светлане Давыдовой, мы стали понимать, что нас — десятки. Только тех, с кем мы общаемся, — человек шесть, и все попали в 2014 году.

Сейчас вся надежда на надзорную жалобу: может быть, наивно, но я все еще надеюсь, что ее рассмотрят всерьез. Поднимут документы и поймут, что мой отец не знал этих сведений. Папа говорит, что в его речи в Верховном суде разобраны все ошибки, допущенные судом в первой инстанции, в Краснодарском краевом суде.

Когда он подавал на помилование (в октябре 2017 года Парпулов подал прошение о помиловании на имя президента — *ОВД-Инфо*), он написал: я признаю только то, что произошло недоразумение, — сейчас я бы по-другому вел себя с этим человеком. Наверное, сразу бы его выгнал. Комиссия по помилованию ему ответила: но вы же не признаете вину?

Попадание в «список Собчак» (в апреле 2018 года Ксения Собчак передала Владимиру Путину прошение о помиловании 16 политзаключенных, среди них был и Парпулов — *ОВД-Инфо*) было неожиданным, но дало и надежду. Я была на приеме в администрации президента, там мне сказали, что к помилованию моего отца теперь будет другое отношение.

Что вы можете посоветовать людям, которые попадают в такую ситуацию?

— Прежде чем что-то подписывать, десять раз подумайте. Нельзя верить ни следователю, ни адвокатам. Адвокатам можно верить только проверенным. Лучше побольше молчать, не спешить. Нужно как можно быстрее придавать происходящее огласке. Если молчать, то так и отсидишь все свои года, никто не будет с твоим делом разбираться. Кричать нужно везде, где только можно, чтобы достучаться до верха.

Петр Парпулов приговорен к двенадцати годам колонии строгого режима за разглашение государственной тайны, которое выразилось в пересказе жителю Грузии информации из открытых источников.

1  6 

Ещё почитать

03.02.2026 [Краснодарский край](#)

Краснодарского политолога Михаила Савву заочно осудили на 3,5 года колонии по «иноагентской» статье